

Татьяна Циванько

18+

ЗОЛОТО

ТОМ 5

Золото

Татьяна Иванько

Золото. Том 5

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Иванько Т. В.

Золото. Том 5 / Т. В. Иванько — «ЛитРес: Самиздат»,
2018 — (Золото)

ISBN 978-5-532-95930-9

Никто не ожидает беды, особенно с той стороны, откуда она надвинулась на Великий Север. Пока, спасая царя и будущего наследника от заговорщиков, Авилла прячется, к Великому Северу вплотную придвигается нашествие сильного врага, хорошо вооружённого войска во главе с тем, кто много лет непримиримо ненавидит царский дом и жаждет править Севером. Объединится ли Север, чтобы спастись? Или это предвестие окончательного падения древнего, когда-то непоколебимого царства, последний камень, который окончательно обрушит величие в бездну? История Севера завершает положенный круг существования или выходит на новый виток спирали Истории?

ISBN 978-5-532-95930-9

© Иванько Т. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть 18	5
Глава 1. Надо было...	5
Глава 2. По следу	9
Глава 3. Зарево	16
Часть 19	19
Глава 1. Новая глава, новая книга	19
Глава 2. Победа как поражение	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Татьяна Иванько

Золото. Том 5

Часть 18

Глава 1. Надо было...

Доброгнева рада меня видеть, раскрывает объятия, принимает гостинцы. Я привёз с собой и молодого мёда, и молодого вина, что поставляют сколоты на мой Солнечный двор, и чудесных серебряных многоярусных украшений, усеянных самоцветами радужных оттенков. Я не могу дарить ей чувств, тем щедрее я на подарки. Хорошо, что для Доброгневой это признак любви, что я так одариваю её всякий раз. Верно привыкла этим измерять мужские сердца. Что ещё ты видела, Нева? Ты сама скупа сердцем, как тебе различить пустоту в моём.

– Совсем позабыл меня... безобразник, Бел... – рассмеялась Нева. – В чёрном теле меня держишь.

Она разглядывала подарки, примеряя перед, многочисленными, у неё здесь, зеркалами, украшения очень идут ей, так и осталась в них для моего удовольствия не иначе. Обернулась ко мне, улыбнулась, раскрыв объятия.

– Всё же любишь хоть немного? Не всё свою увенчанную золотом соплячку? – Нева игриво склонила голову мне на плечо. – Хотя мне иногда кажется, что она старше нас обоих. Хотелось бы мне так: глядеть двадцатилетней, а ум и сердце иметь как у старухи.

Я не сказал ничего, поцеловал её. Я не хочу обсуждать Аву. Я пришёл совсем не для этого и уже вот-вот за приоткрытой дверью появится Явор, благодаря целому кошельку серебра, что получил от меня служба...

– Явор приехал в столицу, что если явится? – спросил я, притягивая Неву себе на колени.

– Я не звала. Он вот где у меня, – засмеялась прекраснейшая из Лунных жриц, показав хорошенький бело-розовый кулачок.

– Он мужчина, ему мало быть в твоей власти. Сколоты, тем более ксаи, люди не из мягких. Не боишься?

– Если бы ты знал, как он надоел мне, – выдохнула Нева, перестав улыбаться сладчайшей из своих улыбок.

И даже поднялась с моих колен.

– Как надоел! И голос его, и руки, и... Всё, что он говорит мне. И избавится от него... вот как? Он уже царём полагает себя.

– Не ты ли его и убедила в том, что он может рассчитывать на это? Нева, ты несправедлива, – я усмехнулся, мне легко быть великодушным. – И он любит тебя, я думаю, – добавил я дровишек в огонь её злости.

– Плевать на то, кого он любит! Не можешь и представить, как опостылел... Впрочем, никогда желанным и не был! Как ненавижу! – у неё даже кулаки сжались, я ещё не видел её такой злой. – Я даже тебя ненавижу, за то, что должна с ним барахтаться... что невозможно обойтись без него. А ты...

Нева подошла к столу, налила вина в кубки.

– Едва только понесёт Авилла... Между прочим... – хитро поглядела Нева и весёлые искорки заиграли в глазах, – я всё прознала про её уловки! Она покупала капли от беременности у меня на дворе. Этот рыжий Явана раб покупал для неё. Так я... – Нева захохотала, чуть плеснув из кубка на стол. – Я велела подменить капли на те, что способствуют... так что... –

Нева хохочет, беззвучно захлёбываясь, – так что скоро она нам двойню принесёт! – Нева даже выпить не может от смеха...

Ну, вот и выяснилось всё.

– Едва только Ава понесёт, Орика и отравим. Легко и безболезненно умрёт золотой царь сколотов. А там и Явора... – Нева показала большим пальцем, будто поддевает Явора на острие...

И вдруг с грохотом распахнулась толстая дверь, и влетел как тёмный смерч громадный человек, с перекошенным от гнева лицом... я в последний момент увидел в его руках обнажённый меч, с которым он кинулся на Неву. О, нет, на убийство я не рассчитывал...

Я кинулся наперерез, крича сторожей, чтобы бежали спасать Вышнюю жрицу Луны. Но сам успел оттолкнуть Явора, едва он занёс меч и... вот проклятье!.. Он резанул меня по боку... С разворота моя кровь брызнула и на него и на Неву... Её истошный вопль почти оглушил меня, долго звенело в ушах...

Уже вбегают в горницу Доброгневины люди, уже её верный телохранитель к ней, орущей, обожжённой моей кровью. И к Явору, остолбеневшему от визга обожженной Невы, и того, что едва не сотворил.

Они кинулись и ко мне. Невольно, забывая, что я им и они мне – смерть.

– Прочь! – закричал я, останавливая их, вытягиваю руки. – Жрице промойте раны немедленно!

А сам отошёл в сторону от них всех, от Явора с заломленными за спину руками, которого опускают на колени и вяжут, от вопящей, бьющейся в ужасе Невы и всей этой суеты.

Я ранен вскользь, но моей крови достаточно попало на Лунную жрицу, чтобы причинить долго не заживающие раны. Хорошо ещё, что не попали в лицо. Ничего, Нева, ты поправишься. А боль... ну что ж, ты много рассеяла её вокруг себя, пора и самой почувствовать, что это такое.

Я приложил ладонь к моему разрезанному боку, подняв рубашку. Несколько мгновений и саднящее жжение пропало, рассечённые мышцы, кожа вновь целы. Раны нет на моём теле... только кровь высыхает на рубашке.

Когда я вышел на крыльцо, Орикай и Яван верхами были уже здесь. Оба взлохмаченные, за ними отряд стражи, я увидел Ковалю и Черныша среди них. Оба ксяя смотрят на меня в окровавленной рубашке, выходящего из Доброгневиного терема, вслед за бледным и растерянным пленённым Явором, опутанным веревками по могучим плечам.

– Что... тут?! – вопрошает царь, брови гневными крыльями, глаза сверкают, даром, что весь светлый – так и жжёт.

– Этот человек, государь, напал на Верховную жрицу Луны. Намеревался убить. Слышите, как кричит Доброгнева в тереме? Моя кровь обожгла её. Но она жива. А этого человека надо в темницу. Решать тебе, государь, он ксай, он твой дядя, но он тяжкий преступник и не остановится ни перед чьим именем и почётом народа, потеряв лицо и разум.

– Ах ты... – удивление прозрения проступило на лице Явора вместе с румянцем, всегда так ярко полыхавшем на нём и исчезнувшим после совершённого. – Подстроил всё, мразь северная! Убью!

Он рванулся, но его крепко держат.

– Отведите ксяя Явора и запирайте... здесь, на Лунном дворе, где пусть стерегут его верные Доброгневе жрецы, что не простят покушения на их жрицу, – произнёс Орикай побелевшими губами. – И наших в подмогу оставим.

Явор посмотрел на племянника:

– Ах, волчонок!

– Увести ксяя, дабы не позорился более, – так же невозмутимо закончил Орикай, так и не спешиваясь.

И только, когда увели Явора, он спрыгнул на траву Лунного двора и подошёл ко мне:

– Ты ранен, Белогор?

– Уже нет. Роскоши быть раненым я не могу себе позволить. Лечить-то некому меня пока, – попытался пошутить я.

– Как же ты сделал это?

– Давно надо было сделать, однако, Орик, – тихо проговорил я, глядя на приближающегося Явана.

– Стеречь надо обоих теперь.

Я посмотрел на них:

– И тех, кто будет стеречь, стерегите.

Яван и Орик переглянулись. Но спорить не стали.

– Орик, надо теперь и не спать, и смотреть и спиной, и кожей. Теперь или мы, или нас. Мы обезглавили заговор, но обезглавленный зверь ещё полон сил и может много бед натворить. Вам в войско надо обоим. И...

– Я понял, Белогор, – прервал Орик, сделавшись сосредоточенным и строгим, повзрослев сразу.

– А мне отряд дайте верных воинов.

Орик глянул остро:

– По следу пойдёшь?

Я чувствую непонимание во взгляде Явана. Но это уже меня не волнует. Скорее за Авой! Тревога снедает меня, она растёт с каждым мигом. Тревога и страх.

Куда и почему скачет Белогор, я могу только догадываться. Между ними с Ориком очень близкие отношения, как я успел понять, даже какой-то свой язык, не всегда понятный мне. Спросить напрямую Орикса, не за Онегой ли отправляется Белогор, я не решился. Очевидной наглостью стало бы это с моей стороны. Тем более теперь, в эти мгновения, когда наметился перелом в незримом до сих пор противостоянии. И теперь, действительно или мы или нас.

Мы вместе с Чернышом и Ковылем приехали сразу к войску.

– Ты воевода, Яван, возьми слово, – сказал Орикса по дороге.

– Я понял, Орик.

Я понял его, действительно, сказать должен я, не царь. Он должен быть рядом, но с войском говорит воевода. Никто ещё не знает ни о том, что пропала царица, ни о том, что пленён Явор, ни о том, что Доброгнева едва не погибла.

– Белогор напрасно не дал Явору убить Доброгневу, – сказал я.

Орик удивлённо посмотрел на меня:

– Ну, ты... и зуб заимел на неё, – усмехнулся он. – Неужто такую ненависть сумела внушить тебе? Ты-то уж, кажется, мог бы быть и добрее к ней.

– Я-то как раз и не могу быть добрее, но... И... Если бы Явор убил Доброгневу, мы казнили бы его, и дело с концом. Понимаешь?

– Любовницу и брата одним ударом, не слишком ты... Да и не думаю я, что всё так легко закончилось бы. Слишком глубоко простираются корни заговора Лунной жрицы, вот что... боюсь, одним махом все головы Горынычу не снести.

– Как бы нам не пожалеть о том, что Белогор такой же добрый как и ты, а не жестокосерд, как я, – ответил я. И всё же сейчас я хочу спросить его о другом: – Где Авила? Ты знаешь? Или это знает Белогор?

– Никто не знает, – ответил Орик, не поворачивая головы, но я вижу, он хмурится. – Но он узнает.

– Как?

– Он далегляд, ты забыл?

Забыл... я не забыл. Как и то, что он Онеге жених. И это не нравится мне. Что он по какому-то там следу пойдёт... Каким бы внешне бесстрастным человеком не казался Великий жрец, я уверен, что он относится к Онеге особенным образом. И не так как к Доброгневе. Но, может в этом и секрет: Доброгнева ему возлюбленная, а Онега, девочка, которую он не смог обречь когда-то от несчастий и бед?

И всё же я чувствую, что всё не так просто. Я чувствую. Я чувствую всеми нитями, что невидимо опутывают и связывают наши души. Души всех нас. Я чувствую, что Белогор для Авиллы по-настоящему особенный человек, быть чьей-то невестой с рождения – это не пройдёт без следа. А если так, может ли он оставаться за забором дружбы? Быть не может. Не может этого быть...

Но ведь со мной она может. Может. Она может, я не могу. И Лай-Дон может. Они только друзья с моим верным скоморохом. Так как?..

Но недосуг для бесплодных размышлений, тем более что мы прибыли с Ориксаем в войско, где мне предстоит сказать воинам, что Явор посажен под замок как злодей...

Надо найти слова, чтобы нас с Ориксаем немедля на копья не подняли верные Явору ратники. А значит, надо вначале поговорить с верными воеводами, чтобы войско было готово...

Глава 2. По следу

Костёр далеко виден в безлунной ночи, оранжевой лампой освещая пространство вокруг себя, между валунами, за которыми мы устроились на ночлег. Искры оранжевыми мошками отлетают от весело горящих веток. Я натаскал хвороста, бурелома в основном из ближайшего лесочка, Онега поделилась со мной лепёшкой, что припасла с собой.

– Еды-то немного, так и ноги протянем, – сказал я, поблагодарив за хлеб.

– Привыкай, Доня, только рабы едят сытно, свободные люди каждую крошку добывают с трудом, – улыбнулась Онега. – Ты ещё можешь вернуться, мы недалеко отъехали.

– Не боишься, что по твоему следу пушу Орика?

– Тебе зачем это?

– Ну, дык... он наградит наверняка, поди, плохо? – усмехнулся я.

– Ты не предатель, – спокойно и очень уверенно проговорила она.

Я и не думал, разумеется, делать то, что сказал, но тем приятнее её уверенность во мне.

Да, Яван совершенно прав, я только друг для Онеги. Когда едва мы отъехали от Каменистого вала на некоторое расстояние, она вдруг приказала остановиться и сказала, что поедет обратно в город, а остальные пускай продолжают свой путь в столицу. Я не подумал, что это подозрительно. Что особенного, что ей захотелось вернуться к Ориксаю, прикатила же, не усидела дома.

И только, когда я уже вместе со всем отрядом продолжил наш путь в Солнцеград и оглянулся, чтобы посмотреть успела ли она скрыться за холмом, у подножия которого мы оставили её, вот тут я и увидел, что она остановилась на вершине этого самого холма, и смотрит нам вслед, а потом тронула коня и... Она поехала не к городу, она повернула коня на юг, где никакого города нет ещё многие и многие вёрсты. Там простираются перелески по каменистым долинам, которые через несколько дней перейдут в более густые леса и только затем в степи, откуда мы пришли на Север несколько лет назад.

И тут меня толкнула догадка изнутри: она убегает! Её никто не хватится много дней: пока Ориксаю не вернётся в Солнцеград, она далеко успеет уйти. Я даже не задался вопросом, зачем ей убегать. Я просто решил кинуться за ней, поддавшись странному порыву.

Я приотстал от отряда и, сославшись на малую нужду, поворотил вначале за деревья, а потом поскакал за ней. Я нагнал её нескоро, она галопом припустила коня, но скакала так быстро недолго всё же... вот тут я и нагнал её.

– Ты... зачем увязался со мной? – спросила она, изумлённо и почти испуганно обернувшись назад, опасаясь, что я не один?

– Чё уж, увязался, теперь никуда не уйду, – сказал я, придерживая занервничавшего коня.

– Ох и дурак ты, Лай-Дон... ты... ты не сможешь, как я, – сокрушённо проговорила она, убедившись, что я один.

– Поглядим, – расхрабрился я.

– Вернись, не дури! – прикрикнула она.

– И не подумаю даже.

Она смотрела долго своими чудными глазами и проговорила, наконец:

– Учти, – говорит твёрдо, даже не думая смягчить со мной, – заботиться о тебе не буду, не сможешь как я, поедешь назад. Ясно?

– Ясно, что ж неясного, – сказал я.

– Ну, гляди... Пожалеешь ты сто раз, глупый Донька.

– Да я уже пожалел, но не оставлять же тебя теперь.

Она вздохнула:

– Одной мне легче, Доня, я привыкла одна-то. А ты мне обуза.

– Тогда я постараюсь не тяготить тебя. Может и пригожусь.

Она долго смотрела на меня, но что она могла сделать? Только убить меня? Но она не убила меня, даже взглядом больше не слишком жгла, стронула коня, и мы поехали дальше уже шагом.

– Куда путь-то держим? – спросила я.

– Подальше от Севера, – сказала она. Понимай как хошь.

И вот мы в пути уже десятый день. Погода тёплая, лепёшки уже давно засохшие, фляга с мёдом, не хмельным, но густым и сладким, придающим сил, солонина, вода из родника, через несколько дней этих скудных крошек мне уже вполне хватало, удивительно, думал я, для чего я всегда так много ел?

Я обрил голову, в этом Онега помогла мне, чтобы мои окрашенные хной в красный цвет лохмы не были где-нибудь замечены или узнаны. Мы заходили в попадавшиеся нам селения. Онега переделалась мальчиком и не знай я, что её косы прячутся под шапкой, а под мальчиковой одеждой – её гибкое тело, ни за что не подумал бы, что передо мной женщина. Она и манеру-то мальчишескую откуда-то переняла.

– Откуда ты... научилась? – удивился я, когда ночью мы устраивались спать в стогу свежекошенного сена на окраине обширного луга. Она засмеялась и не ответила ничего.

При этом и оружия у неё с собой было напихано буквально в каждом шве её одежды и обуви.

Однажды в лесу она, невзначай бросив нож, прикончила замешкавшегося зайца, которого мы с удовольствием ели потом несколько дней, выварив в вине.

В другой раз таким же манером мы получили куропатку. И снова то зайцы, то утки, то гуси. Как и подбиралась к ним, удивительно.

Она только смеялась на моё удивление:

– Как и прокормиться изгою и бродяжке, я всё могу, Доня.

– Что, и медведя так убьёшь? – я готов во всё поверить.

А она отвечает спокойненько, как ни в чём, ни бывало:

– Нет, у медведя толстая шкура, мощное тело, его ножичками не взять. Ни лося, ни кабана. Тут копьё или добрая стрела надобны.

– А были бы, сможешь?

Она хохочет:

– Куда тебе, скажи, такой большой зверь? Нас двое, на себе попрёшь что ли?

Одна из ночей выдалась холодной, я ворочался под плащом, она же спокойно глядя на огонь, начала дремать.

– Под один плащ надо лечь, холодно, Онега, вдвоём теплее.

– Я не хочу ложиться с тобой под один плащ, Доня, – почти так же холодно, как эта ночь вокруг нас, проговорила она.

– Да я... совсем не в том смысле, – разозлился я, зуб на зуб не попадает, аж скулы свело, а она думает, я на её сладкое место зарюсь.

Тогда она встала и, взяла котелок, что мы купили в одном из городков, исчезла в темноте, отойдя на несколько шагов от костра, и вернулась через несколько показавшихся мне бесконечными мгновений. Повесила котелок над огнём, бросила в него несколько травинок. А ещё немного погода дала мне это варево выпить.

– Что это?

– Согреешься так, и спать будешь, – сказала она, пока я пил её отвар. – А завтра придём в село, переспи там с какой-нибудь.

– Чё?! – изумился я, оторвавшись от терпкого и даже сладкого напитка.

– Надоел по мне глазами шарить, – невозмутимо ответила она, опять устраиваясь под свой плащ, – я не лягу с тобой, не жди. Понял?

– Вот ещё! То-оже мне... – возмутился я, не вполне искренне, впрочем.

– Всё, спи, и не возись больше, как хрущ, – она спокойно легла, укутав плечи.

И я, действительно, согрелся и заснул очень быстро.

Вот так мы и вышли за пределы Севера. Селений больше не было. Дальше на юг шли леса и леса, через них мы проходили ночами, с зажжёнными факелами, днём укладывались спать, чтобы не попасться зверям.

Но она заболела. Простыла и начала кашлять. Плохо спала ночами, потела, я видел, приоткрыв глаза, как она, просыпаясь, снимает мокрую одежду и раскладывает у огня, чтобы просохла. Это странно, она сама говорила, что не болеет. Да я и сам слышал, что эти дети Солнца, как она и Белогор, не болеют. Но ведь и он не так давно был болен. Странно. Так странно это.

– Всё бывает, Доня, когда... когда душа рвётся, – ответила на это Онега. – В клочья рвётся...

– Чего ж ты?..

– После... после поговорим, когда об этом... – ответила она. – Едем, надоел мне этот проклятый лес.

И мы выехали за пределы леса...

Мы идём буквально по следу за Авой. Я чувствую, что она нездорова. И с каждым днём я чувствую всё отчётливее, как она слабеет. Я нужен ей рядом. Только я один на всей земле могу сейчас помочь ей выздороветь. Но она далеко. Я чувствую, как удаляется, всё больше удаляется. Куда же тебя несёт, Ава... куда?!

Подальше от Севера...

Но твоя судьба здесь.

Отправляясь в путь, я был уверен, что она просто спрячется в каком-нибудь селении, вернее, я на это надеялся, но чем больше проходило дней в пути, тем яснее, что она и вправду решила уйти с Севера. Нигде в городках, которые она проехала, никто не видел её. Никто не рассказывал нам, что видел хоть кого-то похожего на Аву. Только я, чувствуя её, только я знал, что она была здесь. Ава научилась прятаться.

Но только я и могу отыскать её. Я иду по следу, оставленному ею. По следу её энергии. И моей крови в ней. И моя кровь в её груди сейчас начала помогать ей, моя сила помогает ей, она уже не смогла бы жить, не будь в ней этих нескольких капель. Они сообщают ей мою силу, они оживляют её тело, её сердце, возле которого они разлились, не позволяя поддаться слабости. Потому что эти капли как я сам полны любви к ней, они горячи, они сильны, они всё равно, что я сам...

И ещё мой сын, что растёт в ней. Я уверен теперь, что детей двое: один ребёнок мой, и второй – Ориксия. Мой мальчик помогает и матери и брату. Два сына, два царевича, две судьбы, слитые до времени в одну.

Догнать её необходимо как можно быстрее. Я не чувствую ничего хорошего для Севера впереди, позади меня остался разгорающийся костёр, костёр, которому мы не давали разгореться и который теперь не остановить. Но теперь Ава, теперь найти её, всё остальное мы сможем победить, если с нами снова будет она. Тогда будет смысл в том, чтобы отстаивать гибнущий Север. Для меня. Для Ориксия.

– Здесь не было никаких проезжих женщин, – устало произнёс ратник, собрав от всех, кто разговаривал с местными, сведения, чтобы рассказать мне.

Уже давно ночь и он едва держится на ногах, день его, как и всех нас, начался ещё затемно. Но они все не двузильные как я.

– Выпей, – я протянул ему кубок с взваром, что приготовил для него, в благодарность за верность и безропотность в этой многодневной гонке. Знал, что придёт едва живой. – Выпей, будешь хорошо спать. Женщин не было, это мы поняли. Ну... А юноши или мальчики были?

– Про мальчиков мы не спрашивали, – выдохнул ратник, берясь за витую ножку золотого кубка, ибо сыну Солнца даже в походе неместно из простой посуды пить.

– Пусть приведут ко мне кого-нибудь из... кого вы там опрашивали? Торговцев? Или молочников? Пусть приведут одного.

Ратник выпил моё снадобье, повеселел сразу, даже глаза заблестели. Через несколько мгновений передо мной уже стоял немного растерянный и даже напуганный немного мужичок с клочковатой бородой.

– Как тебя зовут? – спросил я, разглядывая его.

– Дак ить... Беляй, – ответил мужичок.

Я долго смотрел на него, прежде чем заговорить, хитроватый, умный мужичонка. Но вот интересно, с чего такие имена дают, он черноватый, мелкий, лохматый, какой к чёрту «Беляй»?

– Беляй, а вот скажи, городочек у вас небольшой, пришлых сразу узнаешь, так ведь? – мужичок кивнул. – Так вот, а не видал ты тут пареньков, каких незнакомых? Проезжащих? На конях.

Он и не задумался, ответил с готовностью:

– Дак и были, как не быть. То-ощенькие оба, – он усмехнулся, – один красивенькой как девчонка, ротик такой... А другой бо-ойкой, я только и глядел, как бы не стащил чего. Были, Солнечный жрец. Воришки? Так и думал.

Верховным жрецом я не представлялся, было бы неловко, что сам Великий Белогор несётся из города в город за какими-то беглецами, то, что попала царица, мы решили скрыть, представили, что заболела. В столице никто не знал, что Ава убежала. Кроме самых близких. Но даже Доброгнева ещё не знала, когда я уезжал, что Ава сбежала. Верховного жреца не знают по всему царству в лицо, но то, что я из жрецов не скроешь: босое лицо выдаёт без ошибок.

– Давно проезжали? – спросил я.

– Дак это... Дён... дён этак десять. Може и поболе. Не ночевали даже. Странные. Так и подумал, что тати негодные.

– Почему подумал так? – заинтересовался я.

– Дак... – оживился ещё больше Беляй, – вроде как нищие мальчишки, а кони у них добрые, серебро, золото есть. И кожа у еного, красивенького, розовая, мыться любит, не из бродяжек, к хорошему привык. Да и второй белорукой, и ногтей не сломал. А значить беглецы точно.

Я засмеялся, посмотрев на ратника:

– Видал, какой глазастый.

– А как иначе, Солнечный жрец? Будешь глаза закрывши сидеть, ни лавки, ни прибыли не увидеть.

– Иди, Беляй, за добрую весть, крышу перекроем тебе, – сказал я.

Мужичонка рот открыл от удивления:

– Ты ето... откуда прознал-то?

– Што, не так? – усмехнулся я.

– Так... а только...

– Ну, а раз так, и перекроют крышу, – сказал я.

Мужичонка прищурился, пристальнее глядя на меня:

– Ты... Солнечный жрец, ты – Великий Белогор, чё ли?

– Да нет, Беляй, я подмастерье у него, – ответил я невозмутимо. – Учуся только. Но ты не болтай и про то.

Он ещё раз посмотрел на меня и с тем удалился, нахлобучивая шапку на ходу. Всё, что я подозревал, подтвердилось в его словах. Ава удаляется, быстрее нас движется. И это при том, что мы порой, и ночи не спим. Они тоже не спят, что ли?

Спим. Эта ночь на краю леса была совсем невозможной. Онега прокашляла всю ночь без перерыва, её рвало пару раз то ли от лихорадки, что владела ею, то ли ещё от чего, с ней разве поймёшь? Я измучился от беспокойства, от страха, что она впадёт в беспамятство...

– Не бойся, Доня, не помру. Это мне, видать, чтобы я вспомнила, что я всё же человек.

– К Белогору тебе надо, вылечить, – хмурюсь я, злясь, что мы занимаемся такой дуротой – сбежали из столицы и скитаемся.

Ветер мотает кроны деревьев, подвывает между ними, сквозит, стелет костёр...

– Доня, ты вертайся, право слово, мне проще будет, – пробормотала она.

– Куда проще, от лихорадки кончишься вот-вот, а болтаешь невесть что. Или ты на то и рассчитываешь? – ещё больше разозлился я, ведь и вправду может...

– Нет. Я не помру, – очень тихо и слишком спокойно и уверенно для ночного разговора на ветру проговорила она. – И ушла, чтобы быть живой, чтобы Ориксай был жив, и его наследники. Без меня у них и руки развяжутся, и злости достанет, глядишь против врагов.

Я ничего не понял, решил, что она бредит.

Хотелось бы мне бредить. Хотелось не думать о том, что думает сейчас обо мне, подлой твари, Орлик.

О, нет, я не думаю о тебе, как о подлой твари. Я думаю о том, как ты рискуешь сейчас, одна, без охраны, с этим вихрастым скоморохом Лай-Доном, который и от комаров-то защитить тебя не сможет.

И всё же ты понесла. Ладо, но почему же не сказала? Ты приехала в Каменистый вал проститься. Не сказала, знала, что тогда все узнают сразу. Боялась за меня.

Ладо, ах, Ладо... Вот же счастье, наш сын будет как ты, сильным и умным, и таким же красивым, а после ты родишь мне дочерей, своих копий, чтобы твоя краса навеки впечаталась в будущее. Только не пропади, Ладо. И ты, Белогор, не оплошай со своим чутьём, найди её... Этим начинались и кончались все мои молитвы. Каждую ночь. Каждый полдень.

Яван побывал у Доброгневы. И рассказал о том, что было.

– Она очень зла. И стала куда опаснее, чем раньше, Белогор очень ошибся, что не дал убить её.

Это было самое жуткое свидание в моей жизни. Доброгнева по-прежнему прекрасная, сегодня пугала меня своей красотой. Я ловил себя на мысли, что передо мной демон, забирающий души мужчин. Что этот демон потому и наделён такой красотой, чтобы надёжно прятать за нею страшное нутро.

Но тогда как объяснить куда более пленительную красоту Онеги, ведь она-то точно не демон, она – рай, сошедший в мою жизнь, даже мои страдания по ней и то – рай, какого я не знал до неё в моём холодном сердце. И Онега нутра не прячет, потому и затягивает так сильно и неозвратно.

А Доброгнева... Она встретила меня сегодня с усмешкой:

– Что Яван Медведь? Предал меня, значит? Тоже за этой белёсой сукой потянулся? Неужто у ней между ног слаще?

Я ничего не ответил на эти слова. Я думал, как Доброгнева может дружить, а они были с Онегой дружны с детства, это для меня стало очевидно, когда я увидел их встречу, там, в Ганеше. Как Онега прильнула к Доброгневе, это были привычные и милые ей объятия. И она, так тепло обнимавшая Онегу, так ненавидит её на деле. Как же она ненавидит меня? Впрочем, она не заставила меня долго размышлять и сказала:

– Ты себя неотразимым красавцем полагаешь? Думаешь, это делает тебя и любовником неотразимым? – она сверкнула пугающей ухмылкой и продолжила, сверкая страшными зубами: – Ничего похожего! Может потому тебя и бросила Авилла?

И это я стерпел, тем более что мне прекрасно известно, полагала ли Онега меня приятным или нет, я очень и очень хорошо это знаю, этим меня не задеть. Впрочем, Доброгневе меня ничем не задеть, она не знает, что в моём сердце, в её ЭТО не жило никогда.

– И Белогор, мерзавец, подстроил всё. С потрохами продал царевичу степному вашему. Только ты передай царю: он спит с его царицей! Пусть Ориксай подумает, кого он союзником принял! Кому поверил! Пусть голову ему свернёт! Так передай! И сам запомни! Кстати, у Белогора совета попроси, пускай обучит тебя, ледяного, как с нашей сестрой управляться, – Доброгнева пытается прожечь меня глазами страшного яростного голубого цвета.

Оглядела меня и засмеялась нарочито громким едким смехом:

– А хороши соратнички у царя: все с его женой спят. И сама жёнка тоже, что надо! – Доброгнева захохотала. – Есть на кого опереться: сопливая сука и два её кобеля! Ох и везунчик, Ориксай!

Но и этому я не поверил. Я ждал, когда закончит бесноваться в бессильной злобе и силится понять, что она предпримет теперь, когда не удался её замысел.

Доброгнева бранилась и оскорбляла меня, Онегу, Ориксай, Белогора, всех скотов и их северных шлюх ещё долго, но я не верил, что эта холодная и умнейшая женщина сейчас действительно во власти чувств, которые она пыталась изображать, я неплохо узнал её, полезно ложиться в постель врагом: начинаешь понимать его вне слов.

И я ждал, что она произнесёт что-то, что мне раскроет её настоящие мысли. Как и она изрыгала скверну на меня, пытаясь вывести из себя и заставить выдать то, чего она не знает, что происходит за этими стенами.

Но я оказался холоднее. Сегодня я чувствовал себя увереннее её, потому что я был сильнее. И дело было совсем не в том, что Доброгнева была у нас в плену сейчас, а в том, что мне было что отстаивать, у неё, кроме ненависти, зависти и беспредельного честолюбия не было в сердце ничего. Моё сердце, благодаря Онеге, моей дочке и даже Вее, живо, горячо и велико, а её – холодный карлик. Даже раны и боль делают моё сердце богаче, а Доброгнева не знает боли, кроме той, что жжёт её кожу из-за попавшей на неё Белогоровой крови.

– И брата ради этой продажной твари не пожалел?! За трон ведь отреклась от тебя!.. – она сверкнула глазами.

Вот что она хочет узнать! Я окрылился, услышав, наконец, эти слова. Исходя из моего ответа, она мгновенно задумает новый план.

– Ради моей Онеги я вырезал бы полмира или весь. Не то, что Явора, – с наслаждением ответил я. – Ему я глотку вскрыл с удовольствием.

Нельзя, чтобы Доброгнева узнала, что Явор жив-здоров и даже рядом с ней.

Я так и сказал Ориксаю.

– Вообще его надо бы убить, – добавил я, – когда Доброгнева узнает, что он живой, а она узнает непременно, она...

– Не преувеличиваешь ты могущество какой-то развратной Лунной жрицы? – перебил меня Орик, думающий, похоже, о чём-то своём.

– Куда опаснее недооценить врагов, чем переоценить, – сказал я, выпрямляясь.

Орик мрачно посмотрел на меня:

– Войско вот-вот выйдет из-под моей власти, Яван, – проговорил Ориксай, сидя, будто с надломленной спиной, опершись на один подлокотник трона. – Убить сейчас Явора, это взорвёт его сторонников.

– Пусть взорвёт, примем, наконец, бой, не будем ждать, что сделают они, ударим сами. Белогор начал, надо добить гидру. Чего мы ждём? Его возвращения?

– Её возвращения, – мрачно ответил Ориксай.

– И ты уверен, что он сможет её вернуть?

Орик встал с золотого трона, на котором сидел, и посмотрел на меня, подойдя близко:

– А если нет: на черта мне всё это? – тихо произнёс он, необычно широкими зрачками, будто поглощая меня. И вдруг я словно увидел старшего брата Велика, которого после воцарения называли Великсай. Вот никогда бы не подумал, что сын вырастет настолько похожим на отца, такими разными они казались мне всегда...

– Да ты что?..

– Я решаю, – уже полным голосом твёрже гранита сказал Орик.

– Ты, конечно, Ориксай, только ты царь не мальчик, тебе ли не понимать, куда ведёт разгоревшееся сердце.

– Твоё протухло?

– Я не царь, Орик. Неважно, слаб я или силен. А если ослаб ты, всему гибель.

– Значит, ты и сядешь на трон, когда мне придёт конец. И прикончишь всех врагов одним махом.

– Прекрати! Соберись, ты – царь, ты родился царём и не можешь...

– Я решаю! – рыкнул Ориксай.

Глава 3. Зарево

Если бы я предполагала, если бы только могла подумать о том, как плохо будет Орлику без меня, я ни за что не ушла бы. Что бы я сделала тогда? Своей рукой убила бы Доброгневу, прекратив этим заговор, или сделала бы что-то ещё, я не берусь предполагать.

Но я не осталась. И теперь я гнала мысли обо всех, кого оставила позади. Если бы позволила себе думать о них, я не ушла бы и до ближайшего городка. Но я выбрала путь и шла по нему. Я уйду так далеко, как смогу. Что Лай-Дон увязался со мной, даже и неплохо, будет изображать моего брата или мужа, там поглядим, когда станет заметен живот, и мы дойдём до новых поселений. Что там впереди, на юге, это становилось даже интересно.

Да, воспаление в груди досаждало мне, било кашлем и ослабляло, и принимать действенных средств из-за ребёнка я не могла, потому что все эти лечебные травы могут повредить ему или даже вызвать выкидыш. Белогор помог бы, легко избавил бы меня от этой глупой простуды. Но и о нём нельзя думать...

И я лежу на краю, наконец иссякшего, леса, думая о том, что, когда завтра мы выйдем за последние деревья, что сегодня ещё прячут нас от поднявшегося с вечера ветра, то начнётся новая веха в моей жизни. Я физически ощущала эту границу, которую перейду завтра.

Не границу Севера, его мы покинули уже восемь дней назад. Тогда я и заболела, кстати, словно уходя с моей земли плачу дань немощью, овладевающей мной с каждым днём всё больше. Там я не болела никогда, если не считать раны, нанесённой мне предательской стрелой.

Что же, придётся как-то справляться и с этим. С тем, что здесь, на чужой земле, я слабее, чем на своей. Ладони на живот. Я каждый день трогаю мой живот. Я не могу ещё ощутить ребёнка в моём животе руками, я чувствую только счастливую тяжесть во всём теле. А что если их двое?... Я растопырила пальцы, полностью накрывая себя над лоном. Двое...

Я слушала потрескивание костра, храпение лошадей, легко привязанных в двух шагах, чтобы их беспокойство из-за приближения зверей мигом разбудило нас, недовольное ворчание Лай-Дона, что никак не может привыкнуть к этим ночлегам на голой земле. Хотя ему, сколоту, это должно быть привычно, но, как он рассказал, они не имели обыкновения ложиться на голую землю: хотя бы войлочный коврик, но всегда предохранял их тела от твёрдости земли.

Между крон, качающихся от ветра деревьев, кажущихся перьями в хвосте какой-то жуткой птицы, видно чёрное небо усыпанное множеством мелких и крупных мерцающих звёзд. Вон та – голубоватая, особенно крупная, по этому маленькому кусочку неба я не могу распознать какая именно это звезда, да и не такой я искущённый звездочёт. А вон та толстая, красная...

Я чувствую спиной холод. Это неприятное чувство, на моей северной земле я ни разу не чувствовала холода под спиной, даже засыпая на снегу...

...Рассвет застал нас спящими, Онега всегда вставала первой, поэтому я так удивился, проснувшись и поняв, что рассвет давно минул, а мы всё ещё спим. Солнце скоро встанет уж над нами, в том узком прогале между раскачиваемых ветром крон. Меня вдруг пронзила мысль: а что если она убежала, бросила меня?! Я резко сел, но нет, обе лошади здесь и сама Онега здесь, вот она...

Но... что-то не то с ней самой. Я такой её ещё не видел. Или я просто не видел её спящей?..

Я проснулся среди ночи от охватившего меня ужаса и крика: «опоздал!». Я вылетел из моего шатра с воплем, полуодетый и лохматый, распугивая дремлющих на карауле ратников:

– В путь! В путь немедленно! – я не узнаю даже свой голос.

– Что... Великий Белогор?! Произошло что?!..

– Немедля в путь!

Я проснулся с колотящимся сердцем задолго до рассвета, порыв ветра распахнул окна в спальне разом все, влетев страшным вестником. Я сразу понял этот знак. Ничего доброго не предвещал мне этот привет от Авиллы. Она будто разбудила меня, будто толкнула. Я весь покрылся потом, в этот миг, решив для себя со всей твёрдостью, что моя смерть последует за её тут же, я не заставлю её ждать меня на том берегу годы и годы, как ждала моего отца моя мать. Нет, Ладо, я сразу пойду следом. Живым трупом я не останусь среди людей. Мой отец заставлял себя жить ради меня, ради царства, у меня нет наследника, и царство моё распадается у меня на глазах, как колос, поражённый болезнью, рассыпается в зловонную пыль...

Я встал к окну, ветер, будто её привет, словно её руки, обнял меня. Обними меня ещё хотя бы раз, Ладо. Хотя бы один раз. Потом пусть смерть, только ещё раз...

И вдруг я заметил нечто в черноте ночи, что вернуло меня в Солнцеград. Зарево на восточной оконечности города. Там, где Лунный двор...

Я кликнул людей, я разбудил стражу, ратников, но... я понимал, что поздно: Яван был прав, Доброгнева ударила раньше – там пожар, стало быть...

Конечно, я решила бежать. И лучшего способа, чем пожар не придумать. Проще простого: я разлила масло из лампы у дальней от входа стены и, дождавшись, пока пламя разгорится, как следует, стала колотить в дверь... В сумятице и панике забежали все, в том числе и мои стражники.

Поначалу я думала просто сбежать, добраться до любого города и на Лунном дворе и на свободе подумать о том, как победить моих врагов. Но потом мой верный телохранитель, мой раб и помощник Колокол поманил меня за собой и мы прошли, не очень-то и скрываясь от тех, кто носился по двору с ведрами и узлами с тряпьем, каким-то ларцами, что они в них спасают, снадобья что ли? Он привёл меня в постройку, где мы оставляли на льду покойников, со смертями которых не всё было очевидно.

В одной их каморок здесь... Явор! Я увидела его через окно, он, связанный, лежал на нескольких скомканных одеялах, что заменяли ему, очевидно, тюфяк. Так соврал мне этот голубоглазый мерзавец Яван, жив Явор! Мы победим теперь!

– Развяжи его сейчас же! – крикнула я Колоколу.

И приказание моё было исполнено немедленно.

– Предательница... – зашипел, было, Явор.

– Будущему царю Великого Севера не к лицу ругать свою верную соратницу, – невозмутимо проговорила я, глядя как он поглаживает затёкшие плечи.

– А что Белогору говорила...

– Что я должна была ему говорить? Что люблю, что обожаю моего Явора?! – я смотрю на него так, что не поверить мне он не может. – А ты... ох, тоже мне, купился! И с мечом на меня! – с укоризной проговорила я. – Из-за проклятой этой крови Белогоровой у меня теперь шрамы на руках, на плече останутся...

Он вышел из двери, оттиснув моего раба. Сжал мои плечи ладонями:

– Так что? – и глядит, пучеглазый, чтоб тебе провалиться, почему именно ты мне так необходим?..

– Принимай царство, Явор! – сказала я, озаряя его самым чарующим своим взглядом. – Скачем в войско, поднимаем против наших врагов. Всех убить! Авиллу проклятую первой, щенка Орикса повесим на оgrade, а Белогора я сама буду протыкать копьём на длинном древке в самые болезненные места, пока вся его проклятая ядовитая кровь не вытечет из него в землю. То-то его Солнце разозлится!

Явор поцеловал меня большими своим губами, и я опять возненавидела Белогора новой волной, за то, что он заставил меня выбирать Явора. Что не принял мою сторону, что так и не полюбил меня. Неблагодарный, подлый негодяй! Каждым взглядом, каждым поцелуем, каждым словом, каждым подарком своим щедрым лгал! А я верила, хотела верить и потому верила! Ну, ничего, только сначала ты увидишь, как сдохнет твоя Ава, твоя молочная река с мёдом и солнцем в волнах. Я сама буду, наслаждаясь, смотреть, как разорвётся твоё сердце, когда она подохнет.

Явор, которого Ава отлично подлечила, между прочим, своими травами, на скаку поймал напуганного пожаром коня, схватив за болтающуюся уздечку. Конь взвился на дыбы, но мощный и огромный Явор удержал его, рвущегося, огласившего и без того расшумевшийся Лунный двор громким ржанием. Вскочил на спину ему и подал мне руку. Седла не было, из конюшни выскочил конь, расседлали уже, но не сняли узды, не успели? Но это не имело уже значения, важно, что он попался нам как раз сейчас. Теперь, чем скорее мы окажемся в войске, тем скорее всё будет кончено.

У меня радостно задрожали руки и словно искорки побежали по коже. Я чувствовала себя сейчас как перед свиданием так же волнительно и с предвкушением удовольствия.

Часть 19

Глава 1. Новая глава, новая книга

Имя Гордоксай сменило моё забытое на Севере имя Дамагой, как до того Дамагой сменил Ольга. Новое имя будто убивает прежнее. Оно перечёркивает всё, что было до него. Начинает не то, что новую главу. Нет, новую книгу. С новым героем и новой судьбой. Вот и у меня началась новая судьба.

У южных скотов я почувствовал себя так, будто весь мой век прожил среди них. Очень быстро я, всегда обладавший тончайшим чутьём на людей, хладнокровный и умный, оказался в ближнем круге самых высоких сановников. А через ещё совсем короткий срок стал побратимом царевича.

Сестра его, юная Арника влюбилась в меня с первого взгляда и Голоб, старший сын царя уговорил отца выдать её за меня. У царя было двенадцать дочерей, и для меня одна была не лучше другой, но Арника была ближе всех своему брату-наследнику, и я был счастлив стать царским зятем. Так я всего за какие-то полтора года вошёл в царскую семью. Царь хворал изнуряющей его тяжёлой болезнью и угасал с каждым днём, приближая моего названного брата к трону.

Моя жена в первый же год родила мне сына, а на другой и второго. Теперь же у меня уже росли четверо сыновей и две дочери. Богатым стал отцом. Царь умер, не дождавшись и второго внука от дочери Арники, новым царём взошёл мой названный брат Голоксай.

Все эти годы, наблюдая воинственных скотов вокруг себя, которые легко завоёвывали любые города и рушили их, или брали полностью под свою власть, я не переставал лелеять мечту вернуться победителем на мой Север. Во всех походах прежнего и нового царей я участвовал и проявлял себя всегда смелым до безрассудства и ловким, удачливым воином, а потом и полководцем.

Мне легко было быть бесстрашным и могучим. Я не дорожил ни своей жизнью, ни чужой, поэтому лучше меня воина просто не существовало ни в какие времена. Я бился ради битвы. Победа для меня не была целью, только средством приблизиться к цели. А цель была одна вернуться на Север.

Я следил за всем, что происходило на моём Великом Севере. И я страшно напился, когда узнал, что Колоксай пришёл туда и побил и моего отца и всех моих родичей. Я отчётливо осознавал свою вину в этом. Никто и никогда даже не зарился на Великий Север – это была вечная непобедимая земля, неколебимая твердыня. Но гонимый алчностью и наглой завистью Колоксай осмелился напасть и легко взял Великий Север под себя.

Однако недолгой и непрочной оказалась его власть. Великсай, по-настоящему великий воин, всеми уважаемый царь междуреченских восточных скотов, теснимый с юга и востока своими братьями, выгнал с Севера Колоксаевы орды. Сам он имел идею возвращения и объединения некогда разделившегося народа. Эта идея понравилась мне самому. И я решил взять именно её на вооружение. Тем более что я, северянин, среди скотов уже начавший своё собственное объединение.

Теперь осталось убедить Голоксаю пойти на Север. Однако ему, сытому, утопающему в золоте, жирных землях, тысячных стадах, богатейшему на земле владыке, незачем было озадачиваться этим. Но мои многолетние уговоры, посулы, обещания, рассказы о чудесах Северных земель, осточертели, наконец, Голоксаю и он, по-моему, чтобы избавить уже себя от моих докучливых увещаний, сказал:

– Гордый, стань ксаем, ты муж царевны, мой брат, я дам тебе войско. И будь Гордоксай. И как царь иди на Север. Хочешь его – возьми себе, мне он не нужен. Ни снега эти твои, ни берёзы, ни медленные реки, ни Северный океан. Тоскуешь по нему – бери и царствуй. Будем соседями. Великсай умер, его сын молод и горяч, отними у него свой Север.

Вот так я и стал благословенным Гордоксаем. Я взял войска столько, сколько захотели пойти со мной. Этих двадцати тысяч было более чем достаточно, чтобы покорить мой Север. Население там никогда не было воинственно, привыкло жить мирным трудом, получая благословение от Бога Солнца каждые девятнадцать лет.

И укреплений в городах даже не строилось никогда. Пришедшие скоты за эти годы, что уже прошли, тоже осели и из воинов перекасти-поле стали мирными и сытыми горожанами, обросшими семьями, земельными угодьями, какими-нибудь мельницами, скотом, лавками, ремесленными мастерскими, которыми справедливо гордились северяне, так что степняки перестали быть настоящими скотами. Поэтому в победе моего войска я не сомневался. Тем более что мне мальчишка, сын Великсай? Я и самого Великсай не побоялся бы.

И теперь, оставив беременной седьмым ребёнком Арнику на попечение брата, оставив всё, что могло казаться прочим пределом мечтаний любого, кроме меня, я вырвался, наконец, навстречу своим настоящим мечтаниям – трону Великого Севера. Никакой мальчишка-скот не может царствовать на троне моего отца. Каким бы достойным он ни был, каким бы ни был прозорливым и мудрым, как рассказывали о нём те, кто его знал.

Я был уверен, что все, кого я помнил, давно умерли. Для меня прошло не девять лет. Для меня прошли века, так много жизней я успел прожить за эти годы. Внутри себя.

Но только теперь для меня начиналась настоящая жизнь. Та, которую я хотел, о которой только и думал, не забывая ни на миг. Это имена моих детей я забыл через несколько дней, как забыл имена моей жены и детей, что остались на Севере, когда я сбежал оттуда. Я забыл даже, как я сбежал. Я не хотел об этом помнить. Я помнил только одно – мою жажду трона Великого Севера. Больше ничто для меня не было важно. Тем более никто.

Но северян в моём войске я приветствовал и, приглядываясь, повышал, приближая к себе. Так, мне очень понравился Волк – его имя идеально подходило ему. Немногословный и резкий, он не имел ни привязанностей на Севере, ни среди скотов. Он злобен и холоден.

Однажды за чаркой крепкого вина я спросил его, что он оставил на Севере. Он ответил, не моргнув глазом:

– Ненависть. И любовь.

Я удивился, подумать только, я-то его подобным себе полагал ледяным, а он, что же, порождение вулканов и горячих гейзеров?

– И кто твой обидчик? Законный сын твоего отца? – ухмыльнулся я.

– Нет. Женщина.

– Сестра? Дочь твоего отца? Знакомая история, я будто слышал её.

– Нет, Гордоксай. Моя сестра мирная девушка, тихая, как домашняя овца. Нет-нет. Та – шлюха, которая раздвигала свои подлые ноги для всех, кроме меня.

Его чёрные глаза полыхнули страшным огнём.

– Тебе-то и не дать? – удивился я. – Да любая счастлива была бы.

– Любая. А эта... – у него даже голос сел от злости.

– Что ж ты сделал? Убил её?

– Я убил, но она как змея из кожи выползла и опять жива.

– И что ты тогда сделал? – меня всё больше увлекал этот занимательный рассказ.

Давно я не слышал подобных историй. Я ещё не видел ни в ком такой жгучей, как раскалённый металл, ненависти. Даже моя собственная никогда такой яростной не была. Моя распекала, растворяла, как медленный яд.

– Я сжёг её вместе с её женихом, чтобы в своём пепле вспоминали меня.

Я захохотал:

– Тогда зачем тебе на Север?

Он, как ни в чём, ни бывало, качнул головой:

– Думаю, эта паскуда опять жива и... – он грязно выругался.

– Хочешь убить её? Найти и убить?

– Убить – непременно, но вначале... – он показал такой красноречивый и горячий жест, что даже мне привычному к самым грубым словам и жестам, стало не по себе, – и убью теперь медленно и очень больно за все шесть лет, что я ношу её в моём сердце, я отомщу ей.

– Может, её нет в живых всё же? – я с интересом смотрел на него. Оказывается Волк не ледяной, это я обманывался... Но так, ещё лучше: люди с огнём в крови всегда сильнее и полезнее хладнокровных.

– Живая, – сказал Волк поднимаясь. – Я её сердцем чую теперь. На то я и волк.

– Кто ж она? Если не овца...

– Как кто? Волчица, разумеется, – ответил Волк, удивляясь моему вопросу. – Волчица, которая стала сукой.

Вот такие ненавистники собрались со мной на Север. Другие шли за золотом, которое в прошлом году дождём пролилось на Север, потому что был год Солнца. Кое-кто из скотов знал об этом, и знали все северяне.

Мне не нужны были ни северные женщины, ни золото. Мне нужен был только сам Север. Корона, которая должна венчать голову Ольга, как меня называли при рождении, меня, сына царя, самого сильного из всех, кто когда-либо рождался на моей земле.

И с каждым днём, приближаясь к Северу, я чувствовал всё большее воодушевление. Даже возбуждение. Ни один влюблённый на земле не ждёт так любовной встречи, как я ждал возвращения домой.

Вот на горизонте сине-зелёной тёмной полосой прорисовались леса. Целая густая, кажущаяся непролазной линия. За этими лесами далее начинаются земли Великого Севера. Здесь я и приказал остановиться лагерем. На таком расстоянии от Северных границ, где нас не обнаружат, потому что так далеко никто не выходит. Всё организовать, послать вперёд разведчиков, решить с моими воеводами каким порядком мы пойдём, куда ударим прежде, куда потом, чтобы разом подмять и подчинить себе царство. Забрать всё, всё то, что было и должно было быть моим. Моим!

Я с рождения полагал себя царём, пока мой отец не выбрал себе новую наследницу. Плевать, что она чистокровная царевна. Плевать, что на этом троне должны быть только из чистого золота люди. Теперь там сидит скот и небо не упало на землю и Солнце не сожгло их. А значит я, незаконный ублюдок, полукровка, окажусь на своём месте.

Убить как можно больше прежних скотов и вообще мужчин. Мы сами мужчины, для чего нам те, что там уже есть?..

Поняв, что Онега не мертва, а всего лишь в беспмятстве, я вначале обрадовался почти до слёз, а потом понял, что это мало чем лучше: я-то ничем не могу ей помочь, что же буду сидеть и смотреть, как она помирает? Вот ужас, хуже не придумать. И людей-то вокруг нет...

Злость обуяла меня. Какого чёрта мы подались в эти скитания?! Какого чёрта я и вправду увязался за ней? Я ничем не облегчаю её путь. Я для неё обуза. Она говорила, что не станет заботиться обо мне, а на деле заботилась и учила, как выживать среди незнакомых людей, в лесу и в поле, как не попасть или выбраться из болота. Как не дать себя сожрать волкам. Как не перегреться на палящем солнце и не околеть от холода безоблачной ночью в степи. Как не попасть в руки разбойникам. И как из их рук высвободиться. Как драться с теми, кто сильнее и многочисленнее тебя. Как прятаться, оставаясь невидимой ни для кого. Она знала всё об этом,

он царица не столько теремов, сколько бездомных и неприкаянных. Она выросла в тереме, но повзрослела на улице.

Вечерами у костра мы говорили обо всём, что не касалось людей, которых мы оставили позади, городов, которые не увидят нас больше и даже о нас не вспомнят. Она рассказывала о звёздах, о том, как движутся они в бесконечном пространстве. Это было тем легче, говорить о небе и его чудесах, что мы лежали под этим шатром, спокойно взирающем на нас.

– Откуда ты знаешь, что там всё именно так? – удивлялся я. – Откуда можно знать то, чего никто не видел?

Она только улыбнулась как ребёнку-несмышлёнышу:

– Разве ты видел ветер? Но ты знаешь, что он есть. И ты знаешь, на что он способен. Ты знаешь, что он может прогнать зной и развеять тучи. И что может смести всё с лица земли, поднявшись в ураган. Но ведь ты его никогда не видел.

Удовольствие говорить с ней. Мне кажется в такие часы, что я с мужчиной говорю, образованным и мудрым. Гораздо старше и умнее меня. А на деле мы ровесники.

– Сколько книг ты прочла, Онега?

– Кто считает? Но я прочла немного, я довольно невежественна, Доня. Женщинам не очень-то доступны и книги и древние знания. Например, на Солнечных дворах многое множество книг и знаний, но жрецы ревниво охраняют их. Хорошо, если пользуются ими сами...

И вот она, моя восхитительная спутница, свет, за которым я пошёл, сейчас в забытии и даже почти не откликается на мои слова, на то, что я тормошу её...

После припадка страха, а после него – злости, я долго сидел подле нее, пытаюсь собраться с мыслями, преодолеть растерянность и решить, что же мне делать теперь. В эти мгновения или окончательно перестану быть рабом или она погибнет.

Я смотрю на неё, бледное с голубинкой лицо, в глазницы залегли тени, губы пересохли, припухли как-то, а ресницы громадные тёмные прямо на щёки легли, волосы в потной косе под спиной, и не чувствует её... И почему я не заболел вместо неё? Она-то вылечила бы меня в два счёта.

Подумав-подумав, я решил, что сидеть здесь – это дожидаться, что волки или медведи набредут на нас, надо двигаться. Куда-нибудь, но в конце-концов мы набредём на людей. А вдруг и у них есть свои кудесники, которые могут лечить цариц?

Я оседлал лошадей, собрал все наши скудные пожитки, увязав в узелки, теперь осталось каким-то образом взгромоздиться в седло вместе с ней. Это не так-то просто, я не Яван, который может держать её в одной руке.

Пришлось вначале перекинуть её через седло:

– Уж прости, Онега, что я с тобой как с мешком брюквы... пробормотал я, – но ты сейчас ничем не лучше.

А потом, взобравшись, в седло развернуть к себе и держать как, прижатой к себе. Она безвольно приникла ко мне. Вообще-то, я касался её однажды, и тогда она тоже была почти так же безучастна к происходившему, как и теперь, но и тогда это было... Да, это волнительно и приятно, несмотря на то, что мне ничего обещано не было и даже сверх того: я знал точно, будь она в состоянии сейчас, уже врезала бы мне за эти прикосновения и крепкие объятия, за то, что я лицом прижимаюсь к её лицу, что вдыхаю аромат её кожи и волос, пахнущих речной водой. Что смотрю в её лицо так близко. Что, несмотря на то, что она без памяти, и я боюсь, что она умирает, я не могу не думать, как мне хочется поцеловать её приоткрытые губы и я ловлю её дыхание в свой приоткрытый рот. И я чувствую себя из-за этого чудовищем, я думаю только о том, чтобы узнать, отчего это непотопляемый Яван, знавший, наверное, тысячу самых прекраснейших женщин, так втюрился в неё, что полностью переменялся.

Впрочем, что Яван, я сам потащился за ней в бездомную жизнь, при том, что и не обнимал её толком ни разу. Зачем?..

Вот интересно, где она сейчас? Где пребывает душа, когда человек без сознания? Где она сейчас? Что она чувствует? Или ничего? Я не верю, что такой человек, как она, может позволить глупой простуде убить себя...

Я на рассвете почувствовал её. Пребывая в некоем странном трансе, я почувствовал, что Ава рядом. Незрима и неприкасаема, но вот здесь, со мной, осязатима, так, как я чувствовал и слышал Его. Она теплом обдаёт мою кожу.

– Бел... Бел, любимый, мой милый... Бел, я ослабела. Я совсем потеряла силы... Без Севера я не могу, я гибну... Гибну, Бел...

– Ава! Ава, вернись!

– Я не могу... сейчас... помоги мне... я почти мертва... помоги мне Бел... Ты когда-то не мог... когда-то мы не были ещё... ещё не знали друг друга как теперь... как теперь, когда наш второй сын растёт у меня под сердцем... Бел выведи меня... выведи из тьмы... Мне холодно здесь... Мне больно...

– Ава! Ава! Я помогу! Слушай! Слушай мой зов! Иди! Иди за моим голосом! Иди за моей кровью, Ава!

– Так больно... а-ха, как же больно... снова и снова...

– Ава! Ава! – закричал я, вскакивая и обрывая эту связь, которая, впрочем, надорвалась уже её болью...

Ава... я иду, я чувствую тебя и чувствую, что с тобой. Только выдержи. Только дождись меня. Выйди из тьмы...

Мы с Яваном смотрим, друг на друга всего какое-то мгновение, мига достаточно, чтобы прочитать мысли друг друга: мы проигрываем. Явор освободился каким-то манером. Доброгнева подожгла свой терем, превратившийся для неё в тюрьму на эти дни, пока она выздоравливала от ран, оставленных золотой кровью Великого жреца.

Она бежала наугад. Просто бежала, чтобы спастись, но нашлись те, кто сказал, что Явор жив и более того, что он рядом. Те, кто освободил Явора. И только Явор теперь, как и в самом начале её замысла, мог не просто спасти её, она спаслась бы и без его помощи, нет, он тот, кто осуществит всё, к чему она шла, к чему стремилась. И теперь стремится ещё больше, ещё сильнее, потому что едва не потеряла всё. Даже жизнь.

Увидев и услышав грохот и вопли, несущиеся со стороны ратного двора, я понял, что битва, которой я столько времени надеялся избежать и которую оттягивал, как мог, разгорается.

Яван не стал говорить: «я предупреждал, надо их прикончить», он просто глянул на слуг вокруг нас:

– Оружие, быстро!

Я и он кинулись в оружейную, нам помогли натянуть доспехи из мелких стальных пластин, что сразу сделало наши тела похожими на морских чудищ. Мои показались мне тесными, я давно не надевал их, должно раздался за это время... но на это сейчас мне было плевать, расслабили ремни и дело с концом, победим, скуём новые по размеру.

Ладо, наше царство зашаталось без тебя и вот-вот рухнет...

Мы с Яваном одновременно вылетели из терема, бросаясь на подмогу верным ратникам. Они были готовы, Яван не расслаблялся с момента, как пленили Явора и Доброгневу. Он как Авилла с самого начала был настроен на жёсткие меры в отношении заговорщиков. Это мы с Белогором тянули время и терпение наших врагов и союзников. И теперь мы с Яваном одни. Впрочем, Яван стоит десятерых союзников в бою. Сильный и умный человек, вдохновенный воин, он лучшая подмога. Что бы я делал, если бы он принял сторону Явора... Но в Яване добро побеждало всегда. Меня он считает добром, поэтому и остался верен мне.

До быстро расцветшего рассвета продолжалась битва на ратном дворе, Черныш легко ранен в щёку, кровь окрасила его белёсую бороду с левой стороны, Ковыль и мы с Яваном невредимы. Это хорошо, потому что лекарь наш великий далеко от нас. А прочие жрецы...

– Солнечный двор запалили! – прокричал кто-то.

Бой вышел уже за пределы ратного двора. Весь город поднялся. Кто-то на нашей стороне, кто-то на стороне заговора. Жгут дома друг друга, в основном скотов. Лавки...

Я увидел Милану и Люду с растерянными, напуганными лицами, держащими узлы в руках.

– Милана, помоги! – крикнул я им. – Лиллу с детьми отведите к отцу на мельницу, там должно быть тихо, он на окраине живёт. И сами там схоронитесь пока!

Яван быстро глянул на меня, Люда кивнула, поняв его без слов:

– И ваших возьмём, ксай Медведь, ты не волнуйся... – и кинулась в терем.

А Милана по улице к дому Лиллы. Хорошо, что «соты» я давно разогнал, первым делом подожгли бы их, чтобы больше ударить меня. Но Агня опередила моих самых лютых врагов, и уничтожила почти всех, кто мне был хоть сколько-то дорог.

Но города нам не удержать. Об том говорит и Ковыль, перекрикивая лязг оружия и вопли.

– Отходить надо Ориксай!.. Из города уйти!.. Соберем силы – отвоюем!.. А так только ляжем все здесь разрозненно... Хотя и готовы были... а каждую ночь не каждый спит вполглаза...

Глава 2. Победа как поражение

Не слишком долго мы ехали с Онегой от кромки леса. Вдали я завидел лагерь очень похожий на наш, лагерь скотов. Я так обрадовался, что прищипил коня и ринулся вперёд, навстречу своим.

Нас завидели и выслали навстречу небольшой отряд. Пока я скакал им навстречу, я не думал, что скажу. Мне было так страшно за Онегу, безвольно прильнувшую ко мне, и я так хотел помощи, что не успел придумать, как же я объясню, кто я. И только, когда подъехавшие спросили, хмурясь и оглядывая нас двоих в одном седле, ведомого в поводу второго коня:

– Ты кто? Шо за баба? Жена, али скрадом увёз? – усмеваются похабно.

– Жена, заболела вот, – ответил я.

Но не очень-то они верят, не дураки:

– Чего в поле-то с больной пустился? Правду говори, всё равно дознаемся.

– Чужая жена, ладно, – будто нехотя согласился я, что делать... – со мной от старого мужа сбежала и заболела дорогой.

Они поухмылялись, перемигиваясь, помаячили ехать за собой:

– Ладно езжай за нами, пушай лекари попользуют полюбовницу твою, глядишь, ещё пошуткаисся с ей.

И поехал я, внутренне начиная бояться, не напрасно ли везу Онегу в самую гущу воинов, без её позволения... но что делать-то, дать ей помереть без помощи?

И вот так, в смятении и надежде мы и въехали в лагерь. Всё мне тут родное, в таком я родился и вырос, и запахи ветра и дыма, котлов с кашей и кониной, и сухой земли и травы, и забывать начал в тёплых и уютных северных избах, пахнущих печами и пирогами, бабьими юбками и гретым маслом...

Шатры воевод и палатки простых ратников в полном обычном порядке, караулы, кони под охраной, костры, каша варится... Из самого большого красного, горящего на солнце пламенем, шатра вышел высокий и стройный, на редкость красивый человек, оглядел нас огромными зелёными глазами под тяжёлыми веками, будто ему лень лишний раз повернуть очи, в которых не мелькнуло ни тени интереса:

– Кто такие? – уже не глядя на нас, спросил он.

– Потаскун какой-то со своей бабой, Гордоксай, – ответили ему с ухмылочками. – Хворь дорогой приключилась.

– Хворь? Бог шельму метит, – ответил красавец Гордоксай. – Бабу к лекарям, если могут, пусть вылечат, нет – удавить и закопать, мне тут рассадников болезней не надобно.

Я оцепенел, вот так спас... вот дурак-то... Ах, Онега, что ж ты заболела так не ко времени? Чёрт бы подрал вас, детей Солнца!..

– А парня?

– Двадцать плетей ему всыпьте, чтобы не блудил, пару дней не будет про конец думать, будет только о заднице помнить, – холодно проговорил кошмарный Гордоксай, уже уходя назад в свой шатёр

– Кто тут? – услышал я знакомый откуда-то издали голос.

А вот тут я замер от настоящего страха. Волк подходит к нам. Совершенно не изменившийся, точно такой, каким был, когда затеял драться со мной в Ганеше, убеждая отказаться от Онеги. Только одет был теперь в наши одежды, вышитые штаны, кафтан, расшитый золотыми бляшечками, перепоясанный богатым поясом. Это вам не кузнец-северянин, это очень богатый и могущественный воевода. Волк, погубивший половину Ганеша с его жителями, тысячи людей, детей, взрослых... сколько холмов-курганов выросло вокруг Ганеша из-за тебя! Твоими

руками засеянных! Ты не видел того ужаса, ты рассеял смерть и ушёл. И встретить тебя теперь, когда на моих руках больная Онега и ни меча, ни кинжала е достать...

Меня он не узнал, но Онегу...

– Это приبلудные, Аркан, – ответили ему.

Гордоксай усмехнулся, и от этого стало ещё страшнее, чем от его прежних речей.

– Совратил парнишка бабу, она теперь больна. Я считаю, Бог всё видит. Вот блудливую сучонку и наказывает. А, Волк?

– Это так.

Волк скользнул по нам взглядом, Гордоксай вернулся в свой шатёр тем временем, не опуская полог.

Я, было, обрадовался, что Волк не узнал нас, я голову опустил, а Онега прижата ко мне, её лица никому не видно... Но волосы... волосы видны, коса-то... и Волк... я просто почувствовал, как он, будто крючком, зацепился за нас взглядом...

– Постой-ка... – проговорил он. Всё...

Он остановил коня и, наступив мне на ногу, встал в моё стремя, поднявшись к нам...

– Это ты... – он дёрнул меня за подбородок, обросший светлым пухом, но я отбросил его руку и самого его оттолкнул.

– Девку в мой шатёр несите, – скомандовал Волк, – а этого...

– Аркан, Гордоксай приказал ему двадцать плетей...

– Высыпьте, как приказал царь, и стерегите, чтобы не убёг, то лазутчик. Он северного воеводы человек. Я знаю его давно.

Вот тут-то я решил драться. Но бесполезно. Отметелили меня со знанием дела, потом ещё и отлупили плетьюми, как собаку, и швырнули в тухлую палатку с ломаными лавками и тряпьем, подобие чулана, рядом с отхожим местом.

Я долго выравнивал дыхание, так больно было дышать помятыми рёбрами. И при этом лихорадочно соображал, что теперь делать. Это же надо прямо к Волку привёз Онегу... лучше бы ей к настоящему Серому попасть, с тем она бы справилась в два счёта, Яван рассказывал. А этот не пощадит...

Как болит сердце. Так ещё не было. Никогда ещё не было такой беды. Ни разу не было со мной ещё такого, чтобы так невыносимо тяжело, так больно. Чтобы такая безысходная тоска владела мной. Никогда ещё я не страдал настолько. И я не могу вновь войти в это соприкосновение с Авой, как было накануне... как я ни силюсь, как ни напрягаю внутренний голос, как не рвусь, ничего не выходит... Эта моя боль – это её... ну так услышь меня! Зачерпни моих сил полной горстью! Справься, отгони немочь! Отгони морок! Ава! Услышь меня! Боже, помоги мне, помоги мне добраться до неё. Помоги протянуть руку через расстояние. Если она выдержит, я поспею, я спасу её...

Поверить невозможно в то, что произошло. В то, что Онега попалась мне и так быстро, мы ещё не дошли до Севера. Это же надо: сама приехала в мои руки. Как тут не верить в провидение и в то, что оно на моей стороне.

Ратники положили её на моё ложе. Я холоден был к женщинам. Ко всем, кроме неё. Я всегда думал, что проживу счастливую спокойную жизнь, пока не увидел её впервые. И с того началось моё безумие. Все мои планы на жизнь – всё рассыпалось.

Я отлично осознаю, что одержим ею. И то, что я натворил в Ганеше малая часть того, на что я ещё способен в моей ненависти. Я надеялся найти её. Я шёл на Север, найти её. Я обыскал бы все углы, но нашёл бы её. Я убил бы любого, кто помешал бы мне насладиться моей мстью. Моей ненавистью и моей любовью. Ибо я люблю её... как ничто.

Все мои чувства только о ней. Хорошие и плохие – все о ней.

Я вижу волшебный закат, я думаю о ней, я вижу прекрасные цветы, я думаю о ней.
Я слышу чарующую песню, я думаю о ней.

Я чувствую аромат цветов и трав и думаю о ней...

Я вижу кровь и боль и думаю о ней.

Я чувствую запах крови и смерти – и думаю о ней.

Я вижу экскременты и нечистоты, проституток и калек и тоже думаю о ней.

Нет и мига моей жизни, когда я не думал бы о ней.

Я засыпаю, думая о ней.

Я просыпаюсь со вкусом её губ...

И вот она на моём ложе. Безучастная и спокойная, погружённая лихорадкой или слабостью в забытье. Разве важно, чем? Важно, что теперь она в моей власти.

Я долго смотрел на неё. Я так долго шёл за тем, что я получил. Так долго, что не могу поверить и насладиться этим. Хотя бы прикоснуться к ней.

Я не ожидал получить её такой. Я привык к битвам с ней и теперь готовил себя к тому же, не к этому. Не к тому, что она вот так будет лежать, распластанная, передо мной...

Солнце стало клониться к закату, а я ещё не коснулся её. Я отказался от трапезы. Я не пошёл на совет воевод. Расскажу Гордоксаю позднее, он поймёт и извинит своего воеводу.

Я подошёл к ложу. Наконец, узнаю то, к чему шёл так долго, что составляло смысл и нерв моего земного существования... Получив осуществление нашей мечты, мы всегда чувствуем опустошение...

Я коснулся кончиками пальцев её кожи. Она никогда не давала мне даже почувствовать какова её кожа или волосы. Я пытался вырвать каждое прикосновение с боем. Я ощупал и не раз её тело, но разве я знаю, каково оно? Она всегда жестоко дралась и ругалась.

Но вот она, тихая и послушная. Теперь я выпью полными глотками её красоты. Коснуться губ пальцами, всегда хотел узнать, мягкие они... какие мягкие. Какие мягкие и тёплые... сухие немного, шелушатся, это щекотно... Я наклонился и коснулся их своими. Неужели это происходит?! Нет, невозможно поверить...

Шея...

Плечи...

Грудь...

Мне казалось, я не знаю её, нет, я помню, помню... за четыре года, что я таскалась за ней, я столько раз её касался, что изучил все особенности её сложения, её гибкую силу. Но вот она безвольна и слаба, как никогда... Талия... легко сдвинуть её ладонями... волна возбуждения поднялась во мне, ослепляя и оглушая.

Это легко – вот так овладеть женщиной, которая без памяти в твоих руках. Это легко и сложно...

Нет, не думать сейчас о том, что произойдёт или уже произошло с Онегой. Не думать. Что думать, я не могу пока помочь ей. Что сделает Волк? Сразу не убьёт – это определённо, а значит, время есть. Время есть... есть... успокоиться и подумать... Подумать время есть. Надо настроиться и собраться, заставить голову работать. Не бояться, не ужасаться тому, как я пришёл сам и привёл Онегу в самое логово жестоких и охальных людей, ничего общего не имевших с теми скелетами, среди которых родился и вырос я.

Да полно, скелеты они вообще? С каких пор Волк стал скелетом? Может и все остальные такие же? Какой-то разбойный сброд...

Я лёг на живот, расслабив спину и ноги. И дышать так было легче. Так... теперь надо вспомнить, какая-то мысль пришла мне, когда мы въехали в лагерь. Что-то до того, как появился этот кошмарный красавец...

Что я думал? Что я подумал? Огляделся и... Ах, чёрт, так лежать неудобно, а на спину не ляжешь, всё болит, и на боку – рёбра отбили... тряпье тут псиной воняет, лежать на нём невыносимо, дерьмом и мочой несёт с воли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.